

„Собратьи
Совшюю перь...“

A black and white portrait of O. E. Mandelstam, an elderly man with short, light-colored hair, wearing a dark suit jacket and a tie. He is looking slightly to the right of the camera with a neutral expression. The background is a plain, light color.

К 100-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
О. Э. МАНДЕЛЬШТАМА

79

ББК 84Р7
С68

Составители
Павел Нерлер,
Александр Никитаев

«СОХРАНИ МОЮ РЕЧЬ...»
Мандельштамовский сборник

Заведующая редакцией *С. Митрохина*. Редактор *Н. Волкова*. Художник *В. Горин*. Технические редакторы *Н. Калиничева, Л. Беседина*. Корректоры *Т. Тихомирова, Е. Коротаева*.

С68 «Сохрани мою речь...»: Сборник/Сост. П. Нерлер,
А. Никитаев.— М.: Издательское предприятие
«Обновление», 1991.— 96 с.

В сборник вошли статьи, рецензии, стихотворные переводы Осипа Мандельштама, воспоминания о поэте, неизвестные документы, статьи.

ISBN 5-85828-003-X

Сдано в набор 21.12.90. Подписано к печати 23.05.91. Формат 84×108^{1/32}. Бумага типографская № 2. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 5,06. Усл. кр.-отт. 5,11. Уч.-изд. л. 6,84. Тираж 100 000 экз. Заказ № 2019. Цена 3 р. 50 к.

Издательское предприятие «Обновление», 109180, Москва, ул. Димитрова, 12.

Книжная фабрика № 1 Министерства печати и массовой информации РСФСР, 144003, г. Электросталь Московской области, ул. Тевосяна, 25.

© Издательское предприятие «Обновление». 1991

ТОВАРИЩЕСКИЙ СУД ПО ИСКУ ОСИПА МАНДЕЛЬШТАМА

Когда мама и мой отчим — Алексей Николаевич Толстой приезжали в Москву, они обычно останавливались у Радиных. Радиных и Толстых соединяла многолетняя теплая дружба. Николай Мариусович Радин и его жена Елена Митрофановна Шатрова были в то время актерами Малого театра в Москве; до этого они прошли через театр Корша и многие другие сцены. Они были не только талантливыми актерами, но и интересными и обаятельными людьми. Шумный успех «Стакана воды» Скриба был во многом обязан обаянию Николая Мариусовича. В те годы Николай Мариусович считался одним из самых остроумных и элегантных людей в Москве.

Радины жили на Большой Дмитровке, недалеко от Садовой. Их квартира помещалась в бельэтаже большого (по тогдашним представлениям) серого дома. Поднявшись на несколько ступенек, вы входили в громадную выбеленную переднюю, освещаемую тусклой лампочкой. В углу валялись остатки разбитого гипсового ангела. Широкая стеклянная дверь вела во внутреннюю часть квартиры. Вы попадали в крошечную проходную комнату, служившую столовой. В ней стояли дубовый буфет, обеденный стол и несколько венских стульев, задвинутых под стол. Когда бывали гости, в этой комнате оказывалось невозможно перемещаться, можно было только протискиваться. Налево за дверью помещался большой кабинет Радиного с широким уютным диваном и маленьким письменным столиком, далее — спальня с двумя сдвинутыми кроватями на латунных ножках. В глубине квартиры имелась еще одна маленькая комната, в которой жил администратор какого-то из московских театров, тихий маленький челове-

¹ Волькенштейн, Федор Федорович (1908—1985) — профессор, доктор физико-математических наук. Сын поэтессы Н. В. Крандиевской-Толстой, пасынок А. Н. Толстого. Его воспоминания (под фамилией Крандиевский) опубликованы в журнале «Звезда» (1981, № 1, и 1984, № 4). Предлагаемый рассказ — одна из глав, исключенных редакцией «Звезды» из воспоминаний 1984 года.

«История с пощечиной» известна в нескольких различающихся между собой версиях (воспоминания Е. Тагер, Н. Чуковского, С. Липкина и др.).

чек Мишка Разумовский. Таким образом эта квартира, как большинство квартир в тогдашней Москве, была своего рода «коммунальной». Мишка жил здесь в роли члена семьи, у него было свое место за обеденным столом, он молчаливо присутствовал при всех пиршествах и разговорах.

Вечер, который я здесь хочу описать, начался как обычно. Пили водку маленькими стопками, закусывая миногой в горчичном соусе и маринованными грибами. И Толстой, и Радин, и Мишка понимали толк в еде. Рассказывались бесконечные истории и анекдоты из актерской жизни: кто кому где что сказал, кому не дали ожидаемой роли, кто с кем спит. Поставщиком наиболее свежих сплетен был Мишка, который был связан не только с Малым, но и с другими театрами. Звенели бокалы, произносились длинные тосты, у которых конец никак не был связан с началом. Мишка, зажав между коленями бутылку шампанского и держа в левой руке белую салфетку, медленно и бесшумно вынимал пробку. Было оживленно и весело. Толстой, обратившись к Мишке, кричал ни с того ни с сего:

— Мишка, хочешь я тебе дам сто рублей?

Мишка что-то мямлил.

— На, держи! — кричал отчим, протягивая Мишке через стол сторублевую бумажку.

В эту минуту он взглянул на стенные часы в черной рамке, висевшие над дверью, и обомлел. Было четверть восьмого.

— Ба! — Воскликнул он, ударив себя ладонью по лбу. — Сегодня в семь часов назначен товарищеский суд над Осипом Мандельштамом. Я — председатель суда.

— Суд не над Осипом Мандельштамом, а суд по иску Осипа Мандельштама, — поправила мама.

— Это все равно. Бежим скорее. Мы еще не слишком опоздали.

Все вскочили с мест, началась давка. Толстой, ни с кем не прощаясь, бросился в переднюю, за ним мама и я. Мы бежали по Большой Дмитровке, застегиваясь на ходу, в надежде встретить свободного извозчика.

Заседание товарищеского суда должно было происходить в помещении столовой в Доме Герцена. Это старинный желто-белый особняк со столовой, библиотекой, биллиардной, с разными редакциями и другими писательскими учреждениями, а также с небольшим писательским обще-

житием, коммунальной кухней, в которой всегда пахло кислыми шами. Одну из комнат в этом общежитии занимал Осип Мандельштам с женой, в другой жил какой-то молодой поэт, не русский. Я не помню сейчас ни его имени, ни национальности¹. Он вел себя довольно нагло: отказывался вернуть сорок рублей, взятых когда-то у Мандельштама взаймы. Оскорбительно вел себя по отношению к жене Мандельштама. Уже много месяцев среди горячих конфорок и кастрюль с супом шла нескончаемая коммунально-кухонная писательская склока. В конце концов Мандельштам подал на своего обидчика жалобу в товарищеский суд. Председателем этого суда был почему-то назначен Толстой.

Дом Герцена находился в густом саду, отделявшем его от Тверского бульвара. В летние теплые вечера в саду расставлялись столики, зажигались разноцветные лампочки. Здесь можно было попивать пиво или есть мороженое, рассматривая проходящих по бульвару.

Сейчас здесь было совсем темно. Лишь в первом этаже светились окна столовой. Нам навстречу выбежал молодой человек, поздоровался, помог раздеться, а затем, взяв отчима под локоток, повел его через зал и через сцену в какую-то заднюю комнату. Там в течение десяти — пятнадцати минут Толстого инструктировали, как надо вести процесс: проявить снисхождение к молодому национальному поэту, только начинающему печататься, к тому же члену партии.

Все столы в столовой (небольшой зал со сценой) были сдвинуты в угол, а стулья — расставлены перед сценой, как в театре. Мы с мамой сели в одном из первых рядов. В зале было много народу: вставали, садились, собирались группками и тихо беседовали. На нас с мамой смотрели с опаской. Все устали от полуторачасового ожидания. Наконец, зазвонил колокольчик. Все сели.

— Суд идет!

Все встали. Толстой с папкой под мышкой поднялся на сцену и сел на приготовленное для него место. Воцарилась тишина. Толстой открыл заседание. Проведя ладонью по лицу, как бы снимая паутину (такой знакомый, его всегдашний жест!), он сказал:

¹ Бородин С. П. (псевд. Амир Саргиджан, 1902—1974), писатель, в 30-х годах автор произведений на темы жизни советской Средней Азии. Наиболее известен его роман «Дмитрий Донской» (1941). Столкновение Мандельштама с ним произошло летом 1932 года, «товарищеский суд» — 13 сентября 1932 г.

— Мы будем судить диалектички.

Все переглянулись. Раздался тихий ропот. Никто не понял, и сам председатель не знал, что это значит. Начались вопросы, речи, суд протекал, как ему положено. Истец, Мандельштам, нервно ходил по сцене. Обвиняемый, развалившись на стуле, молчал и рассматривал публику. На его лице не было ни тени волнения. Казалось, что на сцене протекает никому не нужная процедура. Мандельштам произнес темпераментную речь. Обвиняемый молчал как истукан. Все выглядело так, как будто судили именно Мандельштама, а не молодого начинающего национального поэта.

После выступлений всех, кому это было положено, суд удалился на совещание. Довольно быстро Толстой вернулся и объявил решение суда: суд вменил в обязанность молодому поэту вернуть Осипу Мандельштаму взятые у него сорок рублей. Поэт был неудовлетворен таким решением и требовал иной формулировки: вернуть сорок рублей, когда это будет возможно. Суд, кажется, принял эту поправку.

Народ в зале не расходился. Все были возмущены. Ожидали, что суд призовет к порядку распоясавшегося молодого поэта. Зал бурлил. Раздавались возгласы: «Безобразия!», «Позор!». Не стоило созывать заседание суда, чтобы вынести постановление что, мол, надо отдавать взятые взаймы деньги.

Щупленький Мандельштам вскочил на стол и, потрясая маленьким кулачком, кричал, что это не «товарищеский суд», что он этого так не оставит, что Толстой ему за это еще ответит. Это было похоже на выступление Камиллы Демулена перед Люксембургским Дворцом во время Французской революции. Атмосфера накалилась. Отчим, мама и я сочли разумным ретироваться...

На этом рассказанная здесь история не кончается. У нее есть свой эпилог...

В Ленинграде на Невском, против Казанского собора, стоит большой дом. Это бывший дом Зингера, немецкой фирмы по продаже швейных машинок. Стена украшена великорусской красавицей в кокошнике, которая крутит ручку машинки. Теперь это Дом книги. На первом этаже расположен громадный книжный магазин. На следующих этажах — различные редакции и издательства. Здесь в коридорах всегда можно встретить разных писателей. Однажды Толстой столкнулся в дверях лицом к лицу с Си-

пом Мандельштамом¹. Мандельштам побледнел, а затем, отскочив и развернувшись, дал Толстому звонкую пощечину.

— Вот Вам за Ваш «товарищеский суд», — пробормотал он.

Толстой схватил Мандельштама за руку.

— Что Вы делаете?! Разве Вы не понимаете, что я могу Вас у-ни-что-жить! — прошипел Толстой.

И когда спустя некоторое время Мандельштам был арестован², а затем сослан и след его утерялся, возник слух, что это дело Толстого. Я знал и уверяю читателя, что ни к аресту Мандельштама, ни к его дальнейшей судьбе Толстой не имел никакого отношения... Да разве мог человек произнести такую угрозу, имея в виду ее осуществление?

Публикация Л. Н. Радловой

Сов. секретно

Союз Советских Писателей СССР

Правление

В МАРТЕ 1938 ГОДА...

16 марта 1938 г.³

Наркомвнудел тов. ЕЖОВУ Н. И.⁴

Уважаемый Николай Иванович!

В части писательской среды весьма нервно обсуждается вопрос об Осипе Мандельштаме.

Как известно — за похабные клеветнические стихи и антисоветскую агитацию О. Мандельштам был года три-четыре тому назад выслан в Воронеж. Срок его высылки окончился. Сейчас он вместе с женой живет под Москвой (за пределами «зоны»)⁵.

¹ Описываемая сцена относится к весне 1934 г.

² О. Мандельштам был арестован в ночь с 13 на 14 мая 1934 г.

³ С 7 марта О. Мандельштам с женой находились в Саматихе, профсоюзной здравнице за Шатурой, где и был вторично арестован 2 мая 1938 года.

⁴ Ежов Н. И. (1895—1940) — с 27 сентября 1936 года по декабрь 1938 года — наркомвнудел в звании генерального комиссара государственной безопасности. Весной 1930 года Мандельштам и Ежов одновременно отдыхали в правительственной санатории в Сухуми.

⁵ С осени 1937 года Мандельштамы жили в Калининне (перед этим, летом — в Савелове).